

Татьяна Венедиктова

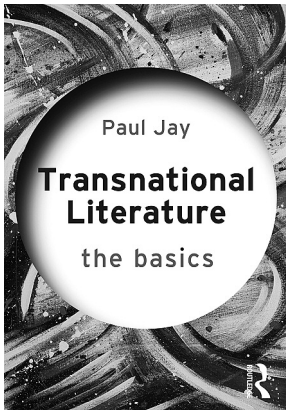
Состояние «транс»:

УЧЕБНИК ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_337

Jay P. *Transnational Literature: The Basics.*

L.; N.Y.: Routledge, 2021. — XIX, 202 p. — (The Basics).

«Я начал писать эту книгу в одном мире, а закончил в другом» (с. IX), — такими словами Пол Джей, заслуженный профессор Чикагского университета Лойолы, начинает предисловие к своему «Введению в транснациональную литературу». И действительно: за книгу (которую он полагал завершающим аккордом в долгой академической карьере) он сел в 2019 г., когда мир был еще полон оптимизма. Гуманитарии и тогда жаловались, конечно, на прессинг экономической «оптимизации», на бесцеремонность, с которой их курсы выдвигались из программ, а кафедры сокращались, но все же спрос на идейное сопровождение глобализационных процессов был очевиден и ни у кого не вызывал сомнений. Умножение форм диалога, любопытст-

во к культурным различиям, почти бесконечная вежливая толерантность — все это естественно предполагалось в этикете международного общения и в системе образования тоже. Однако в 2020 г., когда работа над книгой подходила к концу, обмены оказались заморожены режимом самоизоляции. И хотя к филологии локдаун оказался не так жесток, как к изобразительным и исполнительским искусствам, а вызванные пандемией ограничения мобильности не отменили и не поменяли сложившуюся академическую повестку, теперь она воспринималась сквозь призму нового опыта, и на месте былой уверенности возникло множество вопросительных знаков. Когда же ближе к концу 2021 г. я получила электронную версию книги Джея для рецензирования, глобальная эпидемия стала состоянием уже привычным, почти неинтересным, но... кто же мог ожидать всемирного военно-экономического раскола весной? Мир переменялся еще раз. И слова, которыми озаглавлены разделы книги: *мобильность, граничность, миграция, идентичность, история*, — еще раз зазвучали по-новому.

Книга Джея вышла в серии базовых руководств по разным областям знания, и выстроена она соответствующим образом, как учебник: сумма вводных теоретических посылок, плюс яркий иллюстративный материал, плюс краткие списки дополнительно рекомендуемой литературы. Как университетскому преподавателю мне более чем понятен такой формат и любопытна интенция книги. Америка не единственное, конечно, место, где разрабатываются подобные курсы. Это работа общая, но разноместная, по-разному устроенная, тем она и интересна.

Что такое «транснационализм»? Трактовке этого понятия посвящена первая часть учебника. Приставка *транс-*, к чему бы она ни прилагалась, указывает на подвижность, усилие перемены мест и преодоления границы. Суффикс *-изм* обо-

значает претензию на системность, даже доктринальную оформленность. Между приставкой и суффиксом расположился корень *natio*, отсылающий к идеям рождения, рода-племени, родства-соседства. Идеал нации изначально ассоциировался с общностью «почвы», «крови», этничности, языка и культуры; общностью, предполагаемо органичной, «природной», но охраняющей себя посредством государственных институтов. Идеал этот взошел к славе в Европе XIX в., почти тогда же стал предметом критики, и в этом противоречивом состоянии живет до сих пор. То же можно сказать и о выношенном Просвещением космополитическом идеале всемирного гражданства, общечеловеческого родства. Европейскую мечту сильно омрачили практики европейских же колониальных и постколониальных империй, в итоге оба слова — «национализм» и «космополитизм» — обросли негативными коннотациями, которые трудно отчистить. Защитники национальной суверенности и свободы слишком нередко соскальзывали в агрессивный изоляционизм; усилия «космополитов» уйти от европоцентризма, развивать латеральные, периферийные связи в обход силового центра (так называемый критический космополитизм У. Миньоло) тоже пока неубедительны.

«Оксфордский словарь английского языка» фиксирует первое употребление слова «транснациональный» не ранее второго десятилетия XX в.: это прилагательное, обозначающее свойство чего бы то ни было расширяться за национальные пределы. Тексты располагали такого рода подвижностью, можно сказать, всегда — по крайней мере со времен возникновения письменности и межъязыкового перевода. Но о транснациональном качестве литературы, полагает Джей, можно говорить лишь применительно к последним десятилетиям: импульсы деколонизации и экономической глобализации сделали границы национальных государств как никогда «пористыми», а межкультурному обмену сообщили небывалый размах.

Этот глобализации предполагает отсутствие страха (оправданное или нет — большой вопрос) перед экспериментальным смешением. Проникновение другого на мою территорию или же мое собственное — на территорию другого не предполагается заведомо разрушительным, притом что и взаимная выгода не гарантирована, конечно, ничем, кроме разумной доброй воли участвующих в обмене субъектов да еще пресловутой «невидимой руки» рынка. Так раскрепощает ли транснационализм творческие импульсы, прежде томившиеся под спудом национализма? Или, наоборот, тяжелой силой парового катка выравнивает путь в никуда? Дело преподавателя нового предмета, настаивает Джей, — раскрывать парадоксальность глобализационного процесса, показывать и лицо его, и изнанку, а также проявления на разных уровнях: местном, региональном, национальном и транснациональном.

Гуманитарная проблематика глобализации реализуется в целом букете дисциплин. Старое доброе *сравнительное* литературоведение активно пытается себя переосмыслить, адаптироваться к новым реалиям. В уже почти любой университетской программе присутствуют *постколониальные* штудии. Возникли *граничные* исследования (border studies), сосредоточившие внимание на материальных и символических, официальных и неофициальных границах. *Диаспорические* исследования заняты проблематикой рассеяния, перемещения, переселения и нового расселения групп и сообществ... Список можно продолжать. Конечно, мировое пространство не пятачок, на обширной сцене всем хватает места, но нельзя не заметить избыточности конкурирующих терминов, которые описывают примерно одно и то же. На условность разных способов упорядочивать литературное поле указывает и Джей, подчеркивая, что в самой этой ситуации нет ничего нового: точно так же условны разграничения между романтизмом и реализмом или поэзией и прозой. Или между английской литературой и неанглийской, особенно если та и другая написана на «одном», английском языке.

Что же нового предлагают *транснациональные* исследования литературы? Очевидно, что ближайшим их аналогом следует считать проект изучения *всемирной литературы* (world literature), уже на зависть раскрученный. Именем и происхождением он обязан Гёте и Марксу, а его конкурентное преимущество усматривается в программном сосредоточении на особом пласте проблематики: глобальное производство и распространение текстов изучается с акцентом на экономических и медийно-технологических факторах. Всемирная литература, поясняет Дэвид Дэброш, наиболее известный в США и Западной Европе представитель этого направления, — «не канон произведений, а способ их распространения и чтения» (с. 49)¹. Критики «всемирников», такие как Эмили Аптер, указывают, что те претендуют на инвентаризацию глобального культурного наследия (global heritage property, с. 327) с позиций Запада как главного на сегодня наследника. При этом, несмотря на внушительную широту замаха, в состав наследия отбирается лишь то, что доступно в переводе (на английский) и читаемо на «санитарной», политкорректной дистанции². Транснациональный же подход к литературе формируется, по словам Джея, с учетом этой не лишённой оснований критики: отсюда фокусировка на четко обозримом периоде (последних двух-трех десятилетиях) и ограниченном корпусе проблем и авторов.

Именно профиль авторской личности, то есть тип опыта, ищущий воплощения в определенном типе письма, оказывается определяющим для отнесения литературного явления к «транснациональному» полю. Вот выразительная подборка примеров, которые приводит Джей. Джумпа Лахири родилась в Лондоне в семье индийцев, выросла в США, где и начала публиковаться, потом переехала в Рим, стала писать по-итальянски, сама себя переводя на английский. Александр Хемон родился и учился в Сараеве, в 1992 г. приехал туристом в Чикаго, застрял там с началом войны на Балканах, решил остаться, выучил английский, начал писать и публиковаться (иногда возвращаясь к боснийскому языку). Мохсин Хамид родился в Пакистане, ребенком жил в Калифорнии (его отец учился в Стэнфорде), закончил Принстонский университет, в Гарварде получил степень по юриспруденции, работал консультантом по менеджменту, обнаружил в себе яркий талант романиста, сейчас живет между Нью-Йорком, Лондоном и Лахором. Петина Гапна родом из Замбии, образование получила в Англии и Австрии, жила в Женеве, где работала в ВТО, потом в Хараре, Зимбабве, пишет по-английски и на родном языке шона, успешно соединяет писательскую карьеру с компетенциями международного юриста. Го Сяолу родилась в рыбацкой деревне в Китае, училась в Пекине, переехала в Лондон, где выучила английский, пишет романы и снимает кино, деля время между Британией и континентальной Европой³.

Еще один пример: Кэрил Филипс родился на Карибах, воспитан в Великобритании, живет и преподает в США, драматург и прозаик. Его книгу эссе «Новый мировой порядок» (2001) пронизывает мотив приезда/отъезда. Вот он вспоминает себя тридцатидвухлетним, выходящим из аэропорта где-то в Африке: «Я узнаю это место, я чувствую себя здесь как дома, но я ему не принадлежу. Я и здесь, и не здесь» (с. 58). Что является предметом узнавания? Устройство терминала, одинаковое по всему миру? Образ Африки, вычитанный из книжек? Знакомая телеви-

1 См. обзор работ Д. Дэброша: *Венедиктова Т.* Институт мировой литературы по-гарвардски (обзор) // Новое литературное обозрение. 2018. № 152. С. 313—323.

2 См. об этом: *Apter E.* Against World Literature: On the Politics of Untranslatibility. N.Y.; L.: Verso, 2013.

3 На русский язык переведен ее роман «Краткий китайско-английский словарь любовников» (М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2008).

зионная картинка? Или нечто более глубокое, учитывая, что сам Филипс никогда не был в Африке, но его семья происходит оттуда? Важно, что сходное переживание — узнавания того, чего ни разу не видел, здешней нездешности — проходит через его книгу рефреном. Опыт миграции, добровольно-вынужденного перемещения в пространстве оценивается Филипсом как определяющий и даже образцовый для XXI в. На месте некогда статического мирового порядка возникает — уже возник — текучий, в каждой точке себя оспаривающий, исключаящий ощущение принадлежности к чему бы то ни было: отныне никто и не сможет, «не будет чувствовать себя вполне дома» («nobody will feel fully at home»). Отсюда публичное завещание Филипса: чтобы прах его был развеян над серединой Атлантики.

Итак, транснациональная литература понимается Джемом как продукт творчества очень определенной, быстро растущей, хотя не сказать чтобы многочисленной когорты людей. Каких? Ярких, динамичных, разносторонне одаренных, в жизни и в искусстве сделавших ставку на мобильность, контактность, преобразуемость. Поэтому типическое место действия в транснациональной прозе и поэзии — аэропорт, транспортный узел или пограничная бюрократическая структура. Поэтому так часты референции ко всем видам мгновенно доступной связи, а также к глобальным корпорациям, неправительственным организациям, банковским структурам, обменным университетским программам, вездесущей опасности международного терроризма.

Впрочем, баловни глобализации одновременно ее же первые жертвы, изживающие драму разрыва связей, адаптации к неведомому, ненадежному будущему. К персонажам рассматриваемых Джемом произведений это относится, похоже, в той же степени, что и к их авторам. Так, герой романа Хемона, боснийский беженец Брик, живет в Чикаго без лица, то есть не имея «глубокого лица» (deep face): лицо американское, знакомое всем окружающим, включая жену Мэри, сформировалось постольку, поскольку он «перестал быть или не сумел стать тем человеком, которым быть хотел» (с. 107). Боснийское и американское «я» переживаются им как равно призрачные, а собственное жизненное состояние описывается как «эйфория пограничья» (border euphoria). Такое самоопределение оказывается трудно или совсем не совместимо с понятиями «идентичность» и «аутентичность». Романистка из Нигерии Чимаманда Нгози Адичи⁴ заявляет, что «понятия не имеет о том, что такое африканская аутентичность» (с. 137), и вспоминает, как американский профессор, наставник по творческому письму, попенял ей однажды за то, что ее персонажи слишком похожи на людей, подобных ему самому, — на образованных белых представителей среднего класса: «Они водят машины. Не голодают. Стало быть, не настоящие африканцы» (с. 134). Аутентичность, скептически комментирует Адичи, всегда существует в чьем-то восприятии, часто опирается на готовый стереотип и зависит от отношений власти, а «власть — это возможность не только рассказать историю о другом человеке, но и объявить эту историю единственно верной» (с. 134–135). «Единственный» рассказ таит в себе опасность, а потому в усилиях от нее уклониться рассказы множатся, как будто пугаясь или убегая от собственной воплощенности. «Пишу ли я как американка или как индианка, о жизни в Америке, Индии или еще где-то, постоянно одно, — признает Джумпа Лахири, — я перевожу, следовательно, существую» (с. 148).

Естественно, что природа этого зыбкого состояния по-разному раскрывается в зависимости от перспективы наблюдения: откуда смотришь — так и видишь. Самый богатый транслитературный урожай, констатирует Джей, снимается в тех ре-

4 На русский язык переведен ее роман «Половина желтого солнца» (М.: Фантом Пресс, 2011).

гионах мира, которые «никогда ранее не фигурировали в обсуждениях Литературы с большой буквы Л» (с. 56), то есть тех, которые раньше описывались как «третий мир», а теперь более вежливо — как «глобальный Юг». На с. 72 эта культурно-географическая реалья конкретизируется: «Юго-Восточная Азия (в особенности Индия, Пакистан и Шри-Ланка), Америка (включая США, Канаду, Карибы и Мексику), Африка (особенно страны южнее Сахары, как Нигерия, Замбия и Южная Африка), Европа (от Британии и Германии до Польши и Боснии) и так называемый Средний Восток (от Египта и Судана до Ирака, Ирана и Сирии)». Естественно предположить, что в любом из названных мест курс транснациональной литературы был бы актуален, но планировался бы и читался по-своему (для нас интереснее всего, конечно, пространство, в списке не поименованное, — к востоку от Польши, к северу от Индии и Китая). На иных страницах рецензируемой книги ясно слышны интонации чикагского профессора, знакомящего свою аудиторию с материалом ужасно далеким, даже с учетом интернационализации состава учащихся в университетах Северной Америки: «Важно подчеркнуть тот иногда упускаемый из виду факт, например, что Африка — это континент, а не страна, и что имеются большие культурные и литературные различия между, например, Марокко, Египтом, Нигерией, Сомали, Замбией и Южной Африкой...» (с. 74). О том, что работа идет исключительно с англоязычными или переводными текстами, напоминают мелочи. Например, роман Ольги Токарчук «Бегуны» (2008) вышел по-английски под названием «Flights» в 2018 г., и именно эта дата указана Джейем как дата публикации, именно найденный переводчиком образ со вкусом обыгрывается при разборе текста: «Flights is a book about flight which constantly takes flight» (с. 80).

«Транснациональная литература, — обобщает Джей, — это, попросту говоря, литература нашего времени, отмеченного глубокой неравновесностью сил; процессы деколонизации, глобализации, постмодерности, развития электронных коммуникаций движимы этими силами, которые одновременно создают новые возможности и их уничтожают, привносят в мир порядок и хаос, противоплагают романтические идеалы всемирного гражданства мрачному насилию возрождающихся национализмов» (с. 57). В этом пассаже хочется согласиться со всем, кроме мелодраматического финала: как ни эффектна оппозиция «романтических идеалов» и «мрачного насилия», она представляется бесполезной, особенно в свете событий весны 2022 г. Гораздо более ценной кажется другая мысль Джейа: самую важную свою работу литература осуществляет, не призывая к идеалам, сколь угодно благородным, а воплощая меняющиеся представления о жизни в «сингулярном», индивидуальном, глубоко личном опыте читателя, тем самым встряхивая и подвергая читателя испытанию.

Поэтому в завершение — и в порядке благодарности Полу Джейю за прекрасные разборы, содержащиеся в его книге, — я бы поделилась сходным педагогическим опытом. В конце прошлого года в качестве зачета по курсу «Теории и практики коммуникации» на филологическом факультете МГУ студенты-второкурсники писали эссе по рассказу танзанийско-британского писателя Абдулразака Гурны. Это имя в учебнике Джейа не упоминается разве только случайно. В октябре 2021 г. Гурна получил Нобелевскую премию за «бескомпромиссное и сострадательное исследование последствий колониализма и судьбы беженца в пропасти между культурами и континентами», и этот факт многих застал врасплох. В России почти никто о новом лауреате не слышал, единственный перевод — рассказа «Провожатый» (1996) — был спешно выполнен для журнала «Иностранная литература» недавней магистранткой РГГУ Анастасией Бородачевой⁵. Рассказ, между прочим, идеально

5 См.: Иностранная литература. 2021. № 12. С. 213—221.

отвечает формуле транснационального письма, выведенной Джейм: действие начинается и заканчивается в аэропорту, развивается в таких же не-местах (такси, лобби гостиницы, забегаловка, иллюстрирующая «местную экзотику») и целиком состоит из диалога. Беседуют двое, оба уроженцы острова Занзибар, — как и сам Гурна, уехавший в Англию полвека назад. Один находится в деловой поездке — он преподаватель, специалист по постколониальной литературе, приехал собирать материал о давно забытом местном писателе. Другой тоже уезжал в «страну роскоши» (*Uingereza* — Англия на суахили), но вернулся ни с чем и теперь занимается извозом в раздолбанном такси и исходит бессильным раздражением: то поучает «надменно» удачливого соплеменника («Вдали от дома в конце концов превращаешься в жалкого клоуна»), то просит забрать в Европу из жалости. Оба неприкаянные и бездомны, их разговор, блуждая между английским и суахили, не клеится и ни одному не приятен, но упорно продолжается и требует читательского участия. В рассказе, констатировала одна студентка, «как будто нет ничего моего: никого, чьи переживания были бы мне близки, ни одной проблемы, которая была бы актуальной для меня», — но что-то цепляет, и глубоко, заставляя думать о странности мира, в котором мы живем. Другой студентке описываемая ситуация живо напомнила поездку в родной город в родной же стране: «Когда переезжаешь из провинции в мегаполис, привыкаешь к нему, а затем ненадолго возвращаешься в родные пенаты, смотришь на все другими глазами. Это ощущение “чужой среди своих” мне понятно. Также у меня есть знакомые, которые не удержались в больших городах и были вынуждены уехать обратно». Гекуба бывшего «третьего» — очень большого! — мира всхлипывает внутри нас, и это, я думаю, глубокая и продуктивная реакция, привлекательная именно живой «нетеоретичностью». Еще студенты рассуждали, например, вот о чем: «Сбежать “географически” легко. Но сбежать в другую систему нравственных координат, выпутаться совсем из грязи мира — возможно ли? Определить свою идентичность — значит определить, в каком мире ты живешь»; «Сам автор, как и главный герой, становится провожатым: его высказывание ставит два мира рядом и показывает, что настоящая граница, разделяющая людей, — не географическая, не национальная. Настоящая граница — это выбор каждого человека, каким ему быть»; «Через диалог с рассказом я смог лучше понять себя». Не сказать чтобы очень ловко сформулировано, но изощренность дело наживное. Полноценный разговор культур — и поколений — может начаться, в принципе, в любой точке.